

ПРОЛОГ

ровь текла рекой.

Неспешно. Неумолимо. Текла сплошным потоком, который, казалось, был устремлен вспять, вдогонку пламенеющему на горизонте солнцу, словно хотел ускользнуть от вечернего сумрака. Заходящее светило на своем пути нанесло небу рваную рану, и та алела, окрашивая воды Сены в предсмертные цвета. Эта река крови, текущая назад, к собственному истоку, являла собой грандиозное зрелище. Но редкие его свидетели, чьи силуэты еще кое-где вырисовывались на берегах, были слишком заняты своими делами, чтобы отдать ему должное. Несколько грузчиков спешили закончить работу до наступления ночи, уличные торговцы складывали лотки и прилавки, да извозчик вел, устало загребая ногами, лошадок к водопою. На борту плавучей прачечной, бросившей якорь напротив острова Сите, женщины хохотали в голос, собирая выстиранное белье, — должно быть, подбадривали таким образом сами себя перед долгой дорогой домой с тяжелой ношей.

Равнодушный к меланхолическому очарованию этой вечерней картины, Маркиз де Лафайет с трудом сдерживал раздражение. Он только что ступил на набережную, однако даже не озаботился произнести памятных слов из тех, что обеспечивают иным страницу в истории. Вместо этого он с хрипом и клекотом откашлялся в рукав и нетерпеливо развернулся лицом к шатким мосткам, по которым только что спустился. Сейчас по ним, хватаясь обеими руками за веревочные перила, чтобы погасить качку, ковыляла Мадам де Помпадур необъятных размеров.

— Поторопитесь же, голубушка! — простонал тщедушный, каким и полагалось быть Лафайету, господин; всем своим обликом он и правда смутно напоминал главного американца среди французов, «героя Старого и Нового Света», бывшего предводителя Национальной гвардии и любимчика парижан¹. — Если мы еще больше задержимся, в пансионе подадут суп, а вы прекрасно знаете, что я терпеть не могу, когда он остывший!

Дородная дама ускорила шаг, рискуя потерять равновесие, и не без усилий догнала своего худосочного супруга, который мог бы легко поместиться целиком у нее под юбками. Брюзга выразил недовольство, швырнув ей под ноги плетеную корзинку и зонтик, от которых он любезно освободил ее на время спуска по мосткам, затем, не дожидаясь, когда она подберет свои

¹ Настоящий Жильбер дю Мотье, маркиз де Лафайет (1757–1834) участвовал в Американской войне за независимость, а также в Великой французской и Июльской революциях. Командующим Национальной гвардией назначался дважды — в 1789 г. и в 1830-м.

вещи, развернулся и зашагал прочь, а супруга вынуждена была поспешать за ним, переваливаясь с боку на бок, как комичная индейка.

За этой парочкой насмешливо наблюдали три женщины, стоявшие на верхней палубе плавучей бани Меннетье, пришвартованной у Порт-о-Бле¹, чуть выше по течению. Заведение это было не столь престижным, как знаменитые термы Вижье у Павильона Флоры² или бани «Самаритянка» у Пон-Нёф — Нового моста. Его клиентуру составляли стряпчие, лавочники и преуспевающие ремесленники, которые подражали новому правящему классу в его привычках, словно это могло возвысить их в чьих бы то ни было глазах.

Старшую из трех наблюдательниц, могучую женщину со смуглой кожей и крутым норовом, звали Мелия. Она работала в плавучей бане сестрой-хозяйкой — отвечала за наведение порядка в кабинках-каютах после ухода клиентов. Именно ей ничего не подозревавшие купальщики и были обязаны прозвищами, которые присваивались им за сходство с теми или иными знаменитостями прошлого и настоящего. Закончив комментировать брошенной вполголоса остротой отбытие «Лафайета» с его половиной, Мелия обратила вопросительный взгляд на молодых подчиненных:

¹ Старая пристань у Хлебного рынка недалеко от Гревской площади в Париже.

² Павильон Флоры — часть дворца Тюильри, который составлял единый архитектурный ансамбль с Лувром и служил резиденцией французских королей. В 1871 г. Тюильри был сожжен Парижской коммуной. Павильон Флоры уцелел и сейчас представляет собой часть расположенного вдоль Сены крыла Луврского дворца, соединенную с ним галереей.

— Ну что, это были последние? Нам пора бы уже приступить к большой уборке, а то опять раньше десяти не управимся!

— Остался еще только Маленький Капрал¹, — отзывалась рыженькая девушка с лицом, усеянным веснушками. — Я недавно к нему постучалась, но этот буржуй даже не потрудился мне ответить!

Мелия поморщилась, и глаза ее посуровели.

— Да чтоб его холера забрала, засранца этого! — фыркнула она. — Ну похож он на покойного нашего императора, и что ж теперь, ему из-за этого все можно, что ли? Для кого тут везде понаписано, что каюты надлежит освобождать не позднее восьми часов? Вот уж я сейчас преподам урок чтения этому охламону! А ну-ка, за мной, девочки. Устроим ему сигнал тревоги! — И, немедленно перейдя от слов к делу, командирша устремила во главе своего взвода к трапу на нижнюю палубу.

Как и большинство плавучих общественных бань в столице, заведение Меннетье представляло собой нечто похожее на корпус баржи, открытый по всей длине для свободной циркуляции речной воды. В центральный проход нижней палубы выходили двери расположенных по периметру индивидуальных кабинок-кают. В каждой стояла ванна из красной меди, а свет туда попадал через иллюминатор с видом на реку. Посредством паровых двигателей в трюме здесь нагревали воду до нужной температуры; общий уровень комфорта был таков, что многие клиенты позволяли себе

¹ Одно из прозвищ Наполеона Бонапарта.

вдоволь понежиться в тепле и, водрузив на нос очки, превращали банные кабинки в читальные залы. Но одно дело — зачитаться ненадолго, а другое — напрочь забыть о времени и наплевать на призывы к порядку. Всему надо знать меру — Мелия собиралась строго напомнить об этом лже-Наполеону!

Каюта, занятая последним, находилась на корме судна. Остановившись у двери, воинственная смуглянка не стала тратить время на увещевания и сразу закончила в лакированную створку кулаком:

— Эй, там! Надо соблюдать правила! Все наши кабинки освобождены уже десять минут как! Вы тут последний прохлаждаетесь! Извольте поторопиться!

Ответа не последовало. Не было слышно даже плеска воды, который мог бы указать на то, что пристыженный клиент спешно вылезает из медной ванны. Эта бессовестная тишина окончательно вывела Мелию из себя. Больше всего на свете она ненавидела таких вот выскочек, мелких буржуа, которые воображают, будто им все позволено лишь потому, что у них хватает денег, чтобы покупать себе свежий хлеб и мясо каждый день.

— Предупреждаю: если вы сейчас же не отзоветесь, я открою дверь своим мастер-ключом! Не жалуйтесь потом, что тут нарушают вашу приватность!

Под озадаченными взглядами девушек, прекрасно знавших, что никакого мастер-ключа у нее при себе нет, Мелия пожала плечами и соорудила им гримаску, означавшую: «Ну надо же как-то заставить этого наглеца вытащить задницу из ванны!»

Но ее угроза оказалась ничуть не эффективнее мощных ударов в дверь, прозвучавших до этого. Тогда

в глазах самой юной и худенькой из этой троицы — девушки, недавно вышедшей из отрочества, — мелькнуло беспокойство.

— Ни ответа, ни привета, — пробормотала она. — Может, ему стало плохо?

— Только этого не хватало! — рявкнула Мелия, нахмурившись. — Хотя, когда я взглянула на него на входе, вид у него был неважнецкий. Кстати, он и Наполеона-то мне напомнил потому, что все время поглаживал себе живот под жилетом, прям как сам император. Ну и росточку был невеликогого... А кто из вас его потом обслуживал?

Вторая служанка, с веснушчатым лицом, робко подняла руку:

— Это я принесла ему в кабинку полотенце и кувшин с холодной водой.

— Ничего необычного не заметила?

— Если так подумать, вид у него и правда был странный: цвет лица какой-то темный, и ноги заплетались, как у старика. Я даже подумала, что бедняга, должно быть, ни разу в жизни на корабль не поднимался, когда смотрела, как он неловко по мосткам карабкается.

Мелия, услышав это, побледнела. И устремила испепеляющий взор на подчиненную, которая съежилась под ним, будто заранее испугалась шквала упреков и ей хотелось свернуться в клубок, как ежик, чтобы от них защититься.

— Тебе показалось, что цвет лица у него какой-то темный? — медленно, четко выговаривая каждый слог, переспросила сестра-хозяйка. — И ноги, стало быть, заплетались? Дура набитая! Не знаешь, какие нынче

времена? Тебе не пришло в голову, что он мог подхватить синий ужас?¹

— Пресвятая Дева Мария! — пролепетала рыжая девушка и перекрестилась дрожащей рукой.

В Париже уже месяц бушевала эпидемия холеры. Первые подозрительные смерти были отмечены в начале марта, но лишь пять дней назад, 26-го числа, власти соизволили официально огласить причину бедствия. С тех пор страх заражения нарастал ежечасно, охватывая все большее число горожан. Умами завладела призраки великих моровых поветрий прошлого. Мелия почти слово в слово помнила леденящую душу статью из выпуска газеты «Конституционалист» за 29 марта: «Холера-морбус² опаснее чумы, ибо первая отравляет воздух и разносится ветром. Повсюду сеет она страдания и смерть. Больные претерпевают конвульсии, колики, упадок душевных сил... Родственники, друзья — все покидают несчастных, ибо через два часа после того, как недуг дает о себе знать, умирающий уже являет собой лишь средоточие ужаса и заразы».

— У нас на борту больной, и ему не просто нездоровится, а так, что он копыта отбросить может! — продолжила Мелия, переводя взгляд с одной девушки на другую. — Если такое случится, наше заведение закроют, и все мы окажемся без работы. Представляете себе картину?

1 Синим ужасом [*фр. la peur bleue*] в народе называли холеру из-за цианоза, или синюхи [посинения кожи и слизистых оболочек. — Прим. пер.], предшествующего кончине от этой болезни. Еще одно название холеры — «убийца кавалеров», поскольку от нее часто умирали молодые мужчины. (Прим. авт.)

² В XIX в. в Европе вошли в моду наукообразные латинские словечки. «Морбус» (*morbus*) на латыни означает «болезнь».

Этих слов хватило, чтобы повергнуть обеих бедняжек в шок. Но, как ни удивительно, первой, кто пришла в себя, была самая молоденькая и щуплая. Именно она и нарушила подавленное молчание, воцарившееся у двери:

— Если у него и правда холера, что мы сейчас можем сделать?

— Прежде всего надо в этом убедиться, — отозвалась Мелия, встряхнувшись, будто для того, чтобы ловчее было собраться с духом. — Если ему там просто стало дурно, делать нечего — придется звать врача. А если он окочился, это уже будет совсем другой коленкор. По мне, так нам выгоднее всего держать рты на замке, пока не стемнеет, а потом выбросить тело в реку. Неужто кто-то явится сюда его оплакивать? А? Я вас спрашиваю!

Поскольку никто не осмелился ей возразить, сестра-хозяйка пришла к выводу, что дело можно считать решенным, и хлопнула в ладоши, подбадривая подчиненных:

— Тогда не стоим столбами! Ты, Белка, скорее беги к Эжену, пусть возьмет мастер-ключ из кабинета хозяина и дует сюда. А ты, Малявка, живо принеси мне простыню из тех, какие мы в ванны для дам стелим, — если что, труп в нее завернем, и шито-крыто.

Раздав указания, Мелия осталась у кабинки мысленно проклинать судьбу за этот скверный поворот и в ожидании нервно барабанить пальцами по створке.

Впрочем, Эжен, всполошенный рыжей Белкой, не замедлил явиться. Это был мулат с Антильских островов — белозубый, весь в тугих мускулах. В бане он служил подсобным рабочим и мастером на все руки.

Помимо прочего, антилец отличался беззаботным нравом и слабостью к женскому полу, с губ его не сходила улыбка, и обычно просить дважды об услуге он себя не заставлял. Но была у него одна фобия — страх перед любыми болезнями. Так что у Эжена уже тряслись поджилки, когда он только шел к указанной Белкой каюте. Едва Мелия поделилась с ним своими подозрениями и велела открыть дверь мастер-ключом, силач беспомощно всплеснул руками:

— Прошу прощать, мамзель Мели! Мисью Меннетье, наверно, позабирал его с собой. Ключа не бывать на обычном месте.

Сестра-хозяйка издала досадливый вздох: ох уж эти мужчины, никогда на них нельзя положиться в критические моменты! Вместо того чтобы отправиться самой на поиски ключа, она, не теряя времени, велела Эжену высадить дверь. Поскольку антильцу вовсе не улыбалось оказаться таким образом лицом к лицу с человеком, больным холерой, он поначалу заартачился, но Мелия тотчас принялась над ним потешаться и подначивать, ставя под сомнение его мужскую силу, так что сопротивление вскоре было сломлено. Отступив на три шага для разгона, мулат ударил плечом в запертую створку — та поддалась с первого раза, зловеще затрепав.

Эжен с разбегу влетел в каюту и затормозил, чуть было не потеряв равновесие, у самой ванны, стоявшей в центре тесного пространства. Взгляд его остановился на поверхности жидкости, в которую было погружено голое тело. Закатное солнце бушевало за иллюминатором заревом пожарища, и поначалу антилец подумал, что это необычное освещение, а не что-либо иное, придает воде такой странный, темно-радужный цвет. Но

Эрик Фуасье

Мелия, вошедшая следом за ним — она на всякий случай прикрыла нос и рот предплечьем, чтобы защититься от ожидаемой вони, — со своей позиции видела лучше. И мгновенно все поняла. Забыв о риске заражения, женщина опустила руку и завопила от ужаса.

Мертвенно-бледный Маленький Капрал, закатив глаза, лежал в ванне, наполненной кровью.